Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию

В середине XVIII в. увидела свет на французском языке книга «Беспримерное свидетельство, или воспоминания» [4]. Как своеобразный источник она представляет определенную ценность для изучения похода армии шведского короля Карла XII из Саксонии в Россию в 1707—1709 гг., ее разгрома при Полтаве, бегства отряда во главе с королем в Турцию и первых дней его пребывания там. Эти воспоминания доныне не введены в научный оборот. При ознакомлении с обширной русской и зарубежной историографией Северной войны 1700—1721 гг. и дипломатических отношений того времени нам не удалось обнаружить ни ссылок на эту книгу, ни упоминания о ней или ее авторе.

Константен де Турвиль родился в Нижней Нормандии. Его матерью была Сен-Жермен, супруга графа де Турвиля, но действительным отцом Константена было, по словам графини, другое лицо. Сын воспитывался в деревне, вне семьи, и лишь позднее его взяли в дом графа. Получив домашнее образование, он продолжил его в Канской академии, где подружился с мусульманином Ахметом, который служил переводчиком при французском посольстве в Константинополе и выехал оттуда в Кан, чтобы повидаться с семьей. Константен под его руководством изучил турецкий, итальянский и «славянский» языки, причем последний был им вскоре оставлен «ввиду трудности ударения и произношения». Тогда же он познакомился с шевалье де Френуа (его автор называет просто шевалье). После трехлетней учебы в Кане Константен поехал вслед за Ахметом в Константинополь, но, прибыв в Венецию, узнал из газеты, что Ахмет умер. Позднее выяснилась ложность этого известия. Однако данная новость заставила Турвиля вернуться. По дороге домой он в Падуе снова встретил Френуа вместе с офицером-саксонцем. Последний предложил им наняться на военную службу к польскому королю и саксонскому курфюрсту Августу II и дал рекомендательные письма к его камергеру Ф. Фицтуму. 22 марта 1702 г. они прибыли в Дрезден и были зачислены в личную гвардию Августа II.

В то время в Европе разгорелись одновременно две большие войны: Франции (за испанское наследство) с Австрией, Англией и Нидерландами; России, Речи Посполитой и Саксонии, входивших в Северный союз, против Швеции. Турвиль и Френуа участвуют в военных действиях в Польше, а после подписания Альтранштедтского мирного договора 1706 г., по которому Саксония вышла из войны, переходят на службу в личную гвардию Карла XII и в этом качестве отправляются в 1707 г. в поход на Россию вместе с новым патроном.

Мемуары писались де Турвилем, как он оговаривает в книге, «спустя более 30 лет» после Полтавской битвы (следовательно, в 1740-е годы). В отдельных местах повествования ощущается влияние «Истории Карла

[1] Tourvi11e C. de. L'aveu sans excmple ou memoires de Constantin de Tour-ville. Amsterdam. 1747,

XII» Вольтера (1731 г.), но в основе текста лежат воспоминания автора. Положение гвардейца сделало де Турвиля очевидцем важных событий, а знание им турецкого языка содействовало его назначению комиссаром ставки Карла XII по снабжению продовольствием, затем его посланником к очаковскому паше и переводчиком при М. Нейгебауэре, чрезвычайном после шведского короля к султану. Заключительная часть книги содержит сведения личного характера. Из Константинополя де Турвиль возвратился во Францию вместе с украинкой, его будущей женой.

В тексте воспоминаний опущены отдельные места сугубо личного свойства, не представляющие интереса для историков. Перевод с французского осуществлен публикатором.

П. А. Кротов КРОТОВ Павел **Александрович** — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории СССР Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена.

*

Прибыв в лагерь, я нашел своего друга в снаряжении, пристойном его положению. Он привел меня к графу Пиперу [1], в доверие к которому уже успел войти. Этот министр известен более по своему господину, чем по своим великим достоинствам, благодаря которым Швеция должна была себя погубить, а царь — получить свои триумфы. Карл в Саксонии заставлял Европу трепетать. Партия, за которую этот государь высказывался, с неизбежностью подмяла под себя другую. Его расположение к Франции заставляло союзников[2] опасаться, чтобы он не присоединил свои войска к королевским [3].

Чтобы предотвратить этот чудовищный удар, от союзников были посланы к нему послы, но Пипер знал, как их успокоить. Общая причина их спасения заключалась в алчности этого министра. 300 тыс. экю, которыми милорд герцог Мальборо блеснул перед его глазами, произведя свое действие и выполнили истинную цель миссии [4]. Пипер, хозяин помыслов Карла, сделал свою карьеру, естественно, на жажде славы этого государя. Он им завладел, играя на этой слабости. Поверженные русские, их царь-беглец, могущественная империя, взывающая у ног Карла о милосердии и ожидающая государя из его рук, как он только что дал такового Польше, были целями, которые Пипер ему льстиво предложил на будущее, труднодостижимое и вообще почти невозможное, если бы Карл рассудил о том здраво. Но коварство его доверенного лица и честолюбие застлали ему глаза, так что все представлялось ему делом одной только кампании. Столь пагубный совет, подкрепленный авторитетом предлагавшего, вверг в пропасть государя, которого его собственный рассудок уберег бы, если бы он мог подозревать в неблагодарности подданного,

верность которого, как он думал, была приобретена посредством благодеяний.

Я был принят этим министром довольно равнодушно, а после обеда он представил меня королю. Зная, что французский язык ему мало приятен, хотя он его понимает очень хорошо, я произнес приветствие по-латыни. Его ответ был односложным, означавшим для меня только то, что он меня принимает иа ту службу, для которой я приобрел полевую форму. Сначала этот государь произвел на меня впечатление, сильно отличавшееся от того, которое я чувствовал, видя Августа II. Последним я восхищался. В редких случаях можно так усовершенствоваться в тех качествах, которыми тот обладал; спокойный и приветливый внешний вид, вкрадчивый и нежный взгляд, приятный тембр голоса, который своей мягкостью очаровывал сердца сопровождавших,-- одним словом, все то, что составляет в совокупности образ обворожительного государя, чего совершенно не было в Карле. Этот король — чистый солдат. Его

качества, без сомнения, велики и блистательны, но та негибкость, которая определяла его характер, выказывая, в частности, его внутреннюю суть в манере поведения, выявлялась в совершенной грубости и резкости, с которыми трудно свыкнуться. Все-таки право уводиться после кампании, если эта служба мне не понравится, было оставлено за мной, и меня слегка беспокоила лишь возможность гибели. Шевалье думал так же, как я, и говорил мне неоднократно, что если ему доведется еще наниматься на военную службу, то он будет менее легкомысленным, ибо страх перед последствиями его затеи дал ему повод для длительного раздумья.

И вот Карл после двух лет, проведенных в Саксонии [5] за сбором непомерных контрибуций, несмотря на все удовольствия, которые он получал от Августа, отправился оттуда, чтобы потерять затем в один день плоды семи лет триумфов и славы. Я не берусь описать здесь все подробности ужасного похода, который мы совершили, чтобы встретиться с царем, который, как искусный полководец, при отступлении всегда поджигал, разорял или забирал с собою все, что могло давать средства для существования армии. Стоило только приобрести более воздержанности и прозорливости, которыми Карлу захотелось бы смягчить свою злобу, и он смог бы легко увидеть, что, конечно, не сумеет сражаться против суровости климата; а если царь, пока что отступая, встанет перед ним наконец как настоящий противник, толпа солдат, в которую королевская армия с каждым днем все более превращается, изнуренная к тому же холодом и болезнями, трудностями переходов, недостатком продовольствия и протяженностью почти непроходимого пути, будет выглядеть не соответствующей положению вещей перед лицом более чем 100-тысячной армии, обильно снабженной всем необходимым. Но Карлу хотелось отомстить за себя, и слишком уж упрямое рвение мешало ему увидеть, что он сам лишает себя средств.

В середине этого страшного похода случилось так, что я испытал сильный прилив радости и удовольствия. Армия остановилась возле небольшого городка (название которого у меня выпало из памяти), когда увидели, что в лагерь прибыл турецкий посланник[6], уполномоченный поздравить Карла со вступлением на престол короля Польши, а короля Швеции — с его победами. Этот посланник получил аудиенцию в помещении графа Пипера. Он представил свои верительные грамоты, покрытые сукном, шитым золотом, и произнес речь, которая сводилась вкратце к тому, что слава о великих делах Его Величества дошла до султана, его господина, и тот послал его предложить свою дружбу и одновременно поблагодарить за добрый поступок, сделанный два года назад и заключавшийся в освобождении нег;оторого числа турок, пленников императора Леопольда [7]. Он добавил также, что султан в знак признательности выкупил более сотни шведов, взятых в плен калмыками и проданных в Турцию. Государственный секретарь[8] ответил от имени короля, что Его Величество со своей стороны намерен поддерживать крепкую дружбу с Оттоманской Портой и что отблагодарит Его Высочество султана за великодушные дела, которые тот совершил по своей доброй воле. Мы были на этой аудиенции с шевалье...

Я возвратился к войскам, которые нашел уже почти все построенными в боевой порядок перед королем; литавры и трубы звучали, призывая армию в поход... Наконец, мы прибыли к Полтаве, знаменитому месту, навеки связанному с наиболее памятным для меня событием. Царь, постоянно находившийся с нами в соприкосновении, использовал преимущества ужасной зимы, которая такой была в том году повсеместно, чтобы почти беспрепятственно беспокоить нас. Его войска, привыкшие к климату, страдали несравненно менее чем мы. Большинство шведов умирали от холода, я немалое число их погибло в тяжелых переходах и стычках. Вот то положение, которого русские давно уже желали, и хотя решающее сражение произошло только летом, Карл между тем

посреди покинутой людьми страны, куда он проник лишь после невероятных усилий, был не в состоянии пополнять свои войска, страдавшие от переходов и от холода, более жестокого, чем это вообще можно описать. Данное преимущество, которого не хватало шведскому королю, целиком было на стороне царя. Последнего очень мало смущало, как он сам говорил, пожертвовать, если понадобится, десятью русскими за одного шведа [9], т. к. он был в состоянии обновить всю свою армию, если бы нашел это нужным, благодаря близости своих владений, которые его обильно снабжали.

Полтава была осаждена с приближением весны[10]. Карл хотел сделать этот город местом своего пребывания и пунктом сосредоточения подкреплений, которых он ожидал; но оказалось слишком поздно, и новые войска не смогли пробиться к нему. Левенгаупт [11], которому он поручил привести 16 тыс. человек, встреченный и разгромленный в пути князем Меншиковым [12], прибыл едва с четырьмя тысячами [13]. Станислав Лещиньский, сам имевший большие затруднения в Верхней Польше, не мог оголить себя, а турки, льстившие себя надеждой, что участвуют в игре, вовсе не были расположены предпринять какую-либо

диверсию в пользу шведов. Таким образом, армия сократилась до 24 тыс. человек [14], почти половина из которых должна была блокировать Полтаву.

Государь Карл вскоре оказался перед печальной необходимостью участвовать в сражении с неприятельской более чем 100-тысячной армией [15]. Всему миру весьма хорошо известно, каковы там были его намерения и его участь: тут Карл поступил, как отчаявшийся государь, которому не оставалось ничего более, как или погибнуть, или вырвать победу шпагой, полагаясь на удачу, у царя, опытного полководца, который, несмотря на превосходство своих сил, не пренебрег тем, чтобы выгодно окопаться и, кроме того, возвести перед своим лагерем редуты с многочисленной артиллерией, которые защищали подступы к лагерю.

Надо, однако, отдать справедливость тому небольшому числу шведов, которых русские отбросили к Полтаве. Это объяснялось ошибкой одного из их военачальников по имени Росс [16], который проявлял, правда, чудеса храбрости, но погубил все той же неуместной отвагой. Карл, видя, что главным объектом его внимания должно быть взятие основного укрепления московитов, отдал Россу приказ, отделясь со своей пехотой, атаковать это укрепление с фланга, проходя вперед, не останавливаясь менаду редутами и не обращая внимания на жестокий огонь. Росс сначала великолепно выполнил приказ короля. Он отважно приблизился к редутам, но, будучи сильно потревожен артиллерией и чрезмерно возбудившись, вместо того чтобы идти дальше, возжелал взять эти редуты приступом. Он захватил некоторые из них, но в конце концов был со своей колонной изрешечен залпами и отрезан от короля, который прорвался уже к началу укреплений и ожидал его там, чтобы начать общую атаку.

У короля не оставалось другого средства, кроме как смело двигаться дальше навстречу славной смерти, отчего, однако, и последовало поражение армии. Я находился тогда рядом с Его Величеством, державшим шпагу в одной руке и пистолет в другой; его передвигали на носилках после того, как у него была раздроблена пятка, во все те места, где он находил необходимым свое присутствие. Но, поскольку это невозможно было делать столь быстро, как было нужно, можно сказать, что король в тот день не командовал в действительности и что отсутствие лидера вызывало во многих случаях у его генералов замешательство и беспорядок, к которому их привели его самые крупные ошибки, а также поправимые меньшие.

Положение этого государя удвоило мое восхищение им, и я не мог сдержать своего волнения, глядя на него. Учитывая огонь злопамятства к царю, с чем он до такой степени был прежде связан, можно сказать, что никогда государь не подавал лучшего примера, чем в сражении,

в котором он благородно жертвовал собой. Героическая и величественная скорбь была написана на его челе. Смерть, которая грохотала со всех сторон, не только не приводила его в ужас, но, казалось, была желанной целью, поскольку он наблюдал безнадежную для себя битву. Его неустрашимые солдаты, выстроившиеся вокруг него, умирали, принимая на себя некоторые из тех выстрелов, которые предназначались для него. Я был уже ранен несколько раз, но легко, к тому времени, когда несчастного шевалье сразило ядро, забросав меня его мозгами. Я чувствую, рассказывая сейчас об этом, что все мои раны как бы снова открываются спустя более 30 лет, миновавших с того ужасного мига. Горе не было более чувством, которое я испытывал в жестокой обстановке; в ярости устремился я в гущу врагов. Но,смерть, которую я искал, как оказалось, оставила меня, и после неистовой атаки, увлеченный толпою бегущих, я добрался *с* ними до обоза, где нашел короля, который там остановился.

Я дрожал, видя этого государя, и исчезла вся заинтересованность в деле, которую я испытывал лишь несколькими мгновениями раньше. Самая бешеная злоба бушевала во мне против Карла. Я воспринимал его сейчас только как виновника смерти шевалье. Я возненавидел войну, самый день казался мне противным, а жизнь — мукой. Меня ослепило отчаяние, и в этой душевной отстраненности в течение нескольких часов я чувствовал себя так, что не помнил, ни кто был победителем, ни кто — побежденным. Тем не менее честь взяла вскоре верх в моих переживаниях. Открыв глаза, я подумал, что смерть шевалье и моя собственная были почти неизбежны в столь ужасном деле. Я сожалел о жестокой судьбе, которая у меня отняла шевалье, а вовсе не о несчастном государе, которого я совершенно не знал, когда, стремясь к опасностям, поступал к нему на службу...

Между тем русские преследовали нас по пятам. Отступление осуществлялось в хорошем порядке, но постоянно с большой стремительностью, так что уже на следующий день″ мы прибыли к Днепру, удаленному на 12 лье от места битвы. Остатки армии насчитывали около 16 тыс. человек, из которых свыше 5 тыс., больные и израненные, еле тащились, а не маршировали, чтобы как-нибудь ускользнуть от русских, которые могли теперь отомстить за жестокости, которые были совершены над их согражданами в предыдущие кампании, когда то, что попадалось в руки шведам, либо сжигалось, либо безжалостно истреблялось на том грубом основании, что очень большому числу людей можно-де и многое уничтожать.

Многие генералы попали в плен во время сражения, а главный среди них — Пипер, который заплатил тем самым царю за все бедствия, которые он ему причинил, и за 300 тыс. экю, которые получил от герцога Мальборо. Принц Вюртембергский [18] тоже находился в числе пленников; и если король Швеции и хотел тогда кому-нибудь излить свое горе, то это именно сей любезный принц, который, рискуя жизнью, часто спасал его и который в равной мере отдавал всей армии свою доброту и храбрость.

Таков итог битвы при Полтаве, о которой столько написано и говорят в мире. Царь быстро вознаградил там себя за свои несчастья, а Карл закончил свои подвиги самой большой из неудач. Некоторые говорят, что если первый стал созидателем своей страны, то второй — разрушителем собственной. Эта мысль казалась бы более справедливой, если ее получше обосновать указанием на некоторые недостатки Карла, из которых и проистекали его несчастья. Не желаю оправдывать этого государя, но должен признать, что людям, которые очень легки в принятии решений, нужен лишь сильный удар, чтобы заставить их затем начать противоречить самим себе, выказывая сугубо деспотические качества. Однако им следовало бы

испытал это средство: его алчность не позволила ему упустить благоприятный случай. Только она, как я вскоре заметил, могла бы смягчить приказы сераскира. Две сотни дукатов, которые король дал мне для такого случая и которые я ему подарил, совершили все то, о чем говорилось прежде, и я вернулся наконец с тем, что мне было приказано, к лодочникам, заранее нанятым, несмотря на приказ не нере^ возить никого под страхом смертной казни.

Но уже было слишком поздно. Русские шли по нашим следам на не-бодьщом от нас расстоянии, и 600 человекам[23] с королем во главе с трудом удалось спастись, Государь вошел в лодку нехотя и побледнел от горя, глядя, как на его глазах уничтожают оставшуюся часть его войска. Только казаки ускользнули от врагов: знание страны и ловкость спасли их[24]. Прибыв на противоположный берег, мы направились к Очакову, до которого было всего шесть лье. Каждый думал тогда, что там будет положен предел его несчастьям, но король свернул вправо от этого города: ему понадобились новые тяготы. Впервые после перехода Днепра мы остановились в палатках. Турки продавали нам все довольно дорого, однако будущие выгоды заставили нас вскоре забыть о цене. Так произошло тогда, когда я подумал, что наконец-то судьбе наскучило преследовать меня, и уже помышлял об освобождении от ее суровости по отношению ко мне. Знание, которое имел король насчет того, что я легко говорю по-турецки, заставило его обратить на меня внимание, чтобы послать меня сопровождать *в* Константинополь посланника, которого гооу-

131

дарь решил спешно направить к султану для передачи письма, где сообщал ему о своих несчастьях и просил защиты[25]. Посланника этогозвали Нейгебауэр. Он был родом из Данцига, а служил в Московии, потом волонтером в Швеции. Я принял поручение с радостью, надеясь снова встретиться с Ахметом. Посланник, получив инструкции и верительные грамоты, отправился в Очаков, которого мы достигли всего за день;там мы влезли в шхуну, командир которой, оказавшись сговорчивее коменданта, тотчас снялся с якоря.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пипер Карл (1647—1716 гг.), граф, с 1705 г. глава шведского кабинета и верховный маршал королевского двора. Лагерь Карла XII находился под Лейпцигом, в Саксонии, между 3 сентября 1706 г. и августом 1707 года. Король жил в Аль-транштедте, возле Лейпцига.

[2] Имеются в виду державы антифранцузской коалиции.

[3] Под королевскими подразумеваются французские войска.

[4] Черчилль Джон, герцог Мальборо (1650—1722 гг.), главнокомандующий английскими сухопутными войсками на континенте в 1701—1711 годах. В апреле 1707 г. в ранге чрезвычайного и полномочного посла Великобритании вел переговоры с Карлом XII в Алыранштедте. Предание о полученной от Мальборо Пипером 300-тысячной взятке получило широкое распространение. Взятка была, но не деньгами: в действительности он принял с согласия Карла XII бриллиантовые серьги для своей супруги (H a t t o n R. M. Charles XII of Sweden. Lnd. 1968, pp. 224-225).

[5] Шведская армия подошла к саксонской границе 27 августа 1706 г. и к 3 сентября заняла Лейпциг. 19 августа 1707 г. она пересекла границу Саксонии в обратном направлении, т. е. находилась там почти год (H a t t o n R. M. Op. cit., pp. 213, 214, 226).

[6] Имя посланника де Турвиль воспроизвел в опущенном отрывке неточно (Меймар). Пипер принимал на своей квартире в Бресте 26 ноября 1707 г. турецкого посланника Йеркёлюлю Мехмед-эфенди. Послание, которое тот имел при себе, было написано силистрийским пашою Юсуф-пашой по поручению султана и помечено 30 июля 1707 г. (T e n g b e r g E. Fran Poltava till Bender. Lund. 1953, s. 7).

[7] Леопольд I (1640—1705 гг.) — император Священной Римской империи. Эти пленные находились во Львове со времени разгрома турок в 1683 г. под Веной польским королем Яном Собеским. Карл XII мог освободить этих пленных после взятия им Львова в 1704 году.

[8] Под государственным секретарем подразумевается Пипер как главный после Карла XII государственный деятель при шведской армии в русском походе.

[9] Эти слова приписаны Петру I безосновательно.

[10] Карл XII блокировал Полтаву 30 апреля 1709 г., сосредоточив свои войска в районе города, и тогда же начал осадные работы (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М.-Л. 1952, с. 859; L 6 v g r e n G. Regementsfalts-ka'ren Jacob Schultz dagbokanteckningar 1697 — 1721. In: Karolinska forbundets arsbok 1948. Stockholm. 1948, s. 84).

[11] Левенгаупт Адам Людвиг (1659—1719 гг.), граф, с 1706 г. генерал пехоты, губернатор Риги и главнокомандующий шведскими войсками в Лифляндии, Курляндии и Литве. В 1708 г. по приказу Карла XII двинулся с 16-тысячным корпусом на соединение с главными силами шведов, но 28 сентября 1708 г. потерпел поражение от русских войск при Лесной.

[12] Меншиков Александр Данилович (1673-1729 гг.), ближайший сподвижник Петра I. В сражении при Лесной командовал конницей.

[13] В оценке численности шведов, присоединившихся к армии Карла XII с Ле-венгауптом, имеются расхождения. Наибольшую цифру дает генерал-квартирмейстер короля Юлленкрук — 6700 (Г и л л е н к р о к А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию.- Военный журнал, 1844, № 6, с. 55-56).

[14] В Полтавской битве русские войска атаковала 24-тысячная шведская армия (16 тыс. пехоты и 8 тыс. конницы) с полком легкой валашской конницы (1000 человек). В лагере осталось 1300 шведов. 1800 всадников охраняли переправу через Ворсклу ниже Полтавы. 2000 больных и большая часть артиллеристов находились в обозе у дер. Пушкаревки, равно как и 2 тыс. всадников гетмана Мазепы и пешие мазепинцы (P e t r i G. Slaget vid Poltava. In: Historia kring Karl XII. -Stockholm, 1964, s. 71).

[15] Русская армия под Полтавой насчитывала на день битвы 42 тыс. человек (История Северной войны 1700-1721 гг. М. 1987, с. 84).

[16] Росс Карл Густав (1655-1722 гг.), генерал-майор в 1706 году. Под Полтавой командовал четвертой частью пехоты — колонной из шести батальонов. Они, овладев двумя передними недостроенными редутами, были отброшены от третьего.

132 [17] Авангард бежавших шведов прибыл к Днепру вечером 28 июня, арьергард подошел 29 июня (H a 11 o n H. M. Op cit., p. 302).

[18] Максимилиан Эммануил (1689—1709 гг.), принц Вюртембергский, сын герцога Карла-Фридриха Вюртембергского и маркграфини Элеоноры Бранденбургской, двоюродный брат Карла XII, полковник Сконского драгунского полка.

[19] Согласно извещению Петра I о победе у Переволочны от 8 июля 1709 г., па другой берег Днепра переправилось до 700 человек. Иностранные очевидцы приводили несколько большие цифры.